

Человек палеолитической эпохи не был знаком с земледелием и скотоводством, он не умел лепить из глины посуды и обжигать ее; да последнее искусство не принесло бы ему тогда никакой пользы, так как он вел бродячий образ жизни и жил в глубоких пещерах или под навесами скал, где вокруг очага он менее чувствовал суровость зимы. Он охотился в различные эпохи доледникового, ледникового и послеледникового периода за зверями, обитавшими в степях, в лесу и на покрытых рощами лугах. Он ловил покрытого густой шерстью мамонта в охотничьи ямы или убивал его метательным оружием; в глубине пещер он наткнулся на страшного пещерного медведя, с которым должен был вести упорную борьбу; от стрел его погибал могучий тур (*bos primigenius*) и то животное, которое мы теперь называем зубром (*bison europaicus*). Главной добычей его охоты был все-таки северный олень; реже попадаются на ме-

стах его стоянок остатки лося и гигантского оленя.

Среди камней, нагроможденных ручьями и реками, или же в горах, человек находил кварц и кварцит, известняк, песчаник, роговой камень и яшму, главным же образом высоко ценимый им кремний, представлявший самый удобный материал для изготовления ножей, скребков, буравов, шил, топоров и наконечников стрел и копий. Найдя и выбрав подходящий кусок, человек подвергал его простой, но весьма ловкой обработке. Один удар круглым камнем отделял от большого кремневого желвака длинные и крепкие призматические и напоминающие по форме бритву осколки (рис. 10 и 11). Эти осколки представляли превосходные ножи, так что даже в последующую неолитическую эпоху их не умели готовить лучше. Если требовалось изготовить скребок для очистки звериных шкур или для обрабатывания дерева или кости, то край толстого клинка зазубривался: это достигалось тем, что на края его слегка надавливали деревянным или костяным предметом, пока от него не отскакивали мелкие осколки, так что, по окончании операции, клинок представлялся мелко иззубренным. Подобные, подвергнутые вторичной обработке, предметы встречаются реже в первые времена каменного периода (рис. 12). В позднейшие времена такой обработке подвергалась вся поверхность

Рис. 10.
Кремневый
нож.

клинка, благодаря чему можно было придавать орудю любую желаемую форму. Самое древнее и простое из орудий, оставленных человеком—боль-

шой овальный молот—лишено подобной обработки, он просто грубо отбит со всех сторон. Человек, по-видимому, действовал им зажав его в кулак. Затем обработка или «ретушовка» появляется сперва вдоль одного края орудия, причем ее нет на том месте, за которое орудие держали рукой; позднее стали отделявать подобным обра-

Рис. 11.—Кусок кремня, от которого откалывались длинные осколки для ножей, долот и прочих орудий.

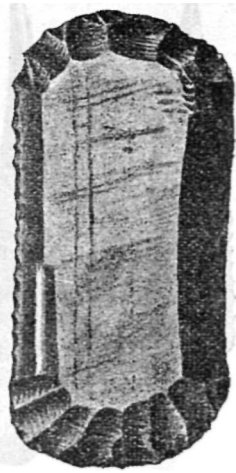

Рис. 12.—Скребок из кремня.

зом орудие вдоль всего края или даже сплошь по всей его поверхности (рис. 13). К концу дилювиального периода камень начинают вытеснять рог и кость (рис. 14), по крайней мере в некоторых местностях. Человек, по-видимому, уже научился оттачивать и полировать этот более мягкий материал. Кроме того, они нравились человеку вследствие большей пластичности их, в нем уже просыпаются необычайные таланты рисовальщика: он нацарапывает или гравировывает рисунки на кость-

ных пластинках, на рогах, и даже вырезает из них целые фигурки. (См. фигуры животных на рис. 15).

В это же время человек стал украшать себя раковинами и просверленными зубами хищных

животных, которые нанизывал на шнурок и в виде бус носил на шее. Вероятно, он кроме того раскрашивал или татуировал кожу и устраивал себе какие-нибудь прически с помощью перьев и других украшений. На тело он набрасывал звериные шкуры, иногда обработав и удалив с них волосы, сшивая их сухими жилами. В мускулистой руке он сжимал охотничий дротик, в расколотый верхний конец которого было вставлено каменное острие, крепко привязанное жилой или, быть может, для большей крепости приклеенное какой-

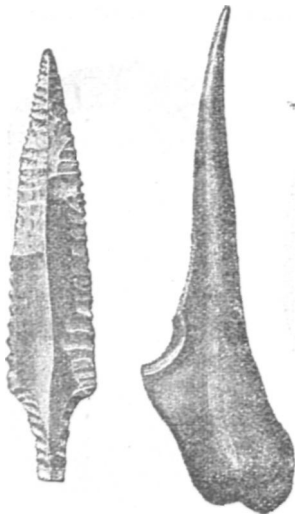

Рис. 13.—Наконечник стрелы из кремня.

Рис. 14.—Шило из кости.

нибудь камедью; подобным же образом к коленчатой изогнутой рукоятке прикреплялся топор. Лук и стрелы дополняли вооружение этого могучего Немврода. Из рога и костей изготовлялись гарпуны с зубчатым острием. Обработка камней, а также предметов растительного или животного происхождения совершалась в глубине пещер при свете пылавшего очага, либо в местах стоянок под открытым небом, где обдирали и разрезали добычу, остатки которой остав-

ляли валяться на месте. В подобных местах уцелели еще следы первобытного труда, куски камня, от которого откалывались осколки, обломки, наполовину изготовленные или даже готовые орудия, и рядом с ними зола и угли очага вместе с раздробленными и часто обглоданными костями зверей. В науке огличают стоянки под открытым небом от жилищ в пещерах. Там, где последние встречаются, человек научился открывать их, преследуя обитавших в них зверей, он вытеснял их оттуда для того, чтобы жить в них самому, по крайней мере в холодное время года; но пещеры попадались не всюду, где он блуждал, и не во всякое время года он мог жить в этих мрачных помещениях.

Но и за пределами местностей богатых пещерами он находил естественные углубления или другие укромные места, которые при помощи некоторого труда он легко превращал в достаточно удобное временное помещение в своей подвижной жизни. Многие места привлекали его тем, что в них водились стада любимых им животных или же тем, что вблизи них он находил в достаточном обилии материал для своих орудий. К подобным

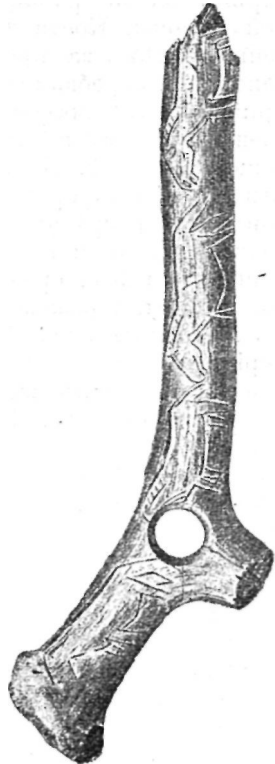

Рис. 15. Часть рога северного оленя, украшенная изображениями дикой лошади.

открытым стоянкам принадлежат знаменитые остатки, найденные в долине Соммы в Северной Франции, являющиеся первыми свидетельствами пребывания дильuviального человека, научное значение которых удалось доказать Буше-де-Перту после многолетних и ожесточенных споров. Богатые залежи кремня в меловых породах долины Соммы представляли первые основы ранней культуры этой части Западной Европы. Кости животных, которые были найдены в тех же кремнистых слоях рядом с топорами, скребками и наконечниками из кремня принадлежат мамонту, носорогу, туру, лошади, оленю простому и гигантскому, пещерному льву и пещерной гиене. На них местами еще виднеются следы ударов оружия, которым животное было убито или разрезано на части. Среди лёсса верхней долины Дуная и в долинах других средне-европейских рек, среди этой мощной и ныне плотной породы, образовавшейся из атмосферной пыли, в громадных размерах нанесенной ветром в период послеледникового развития степей, были найдены подобные же, не возбуждающие никакого сомнения, остатки. К числу их принадлежат, например, находки у Виллендорфа близ Шпица на Дунае. Здесь в отвесном обрыве лёсса мы замечаем тонкий слой темного цвета, составленный из пепла, углей и других неорганических включений, представляющих остатки пищи первобытного охотничьего племени, рядом с которыми попадаются каменные орудия и отбросы его первой промышленной деятельности.

Остатки дильuviального человека, находимые в пещерах, часто обнаруживают более высокую степень культуры, чем найденные в местах открытых стоянок. В пещерах находят удивительные резные вещицы племени Дордони, охотившегося за северным оленем, и вообще многие

другие вещи, свидетельствующие о пробуждении человеческого духа. Из этого заключили, что открытые стоянки принадлежали человеку доледникового периода, и что холод ледникового и послеледникового периода (время это называется веком северного оленя) загнал потомков его в глубину пещер, где в тяжелой борьбе за существование они развили в себе более высокие способности. Таким образом культура палеолитического периода распадается на две ступени: век мамонта, представляющий более теплый или межледниковый период, со стоянками на открытых равнинах, и век северного оленя, с более холодным климатом и с более обработанными орудиями, находимыми в пещерах. Но время распространения мамонта отнюдь не ограничивается одним теплым периодом, он жил и после ледниковой эпохи, но преимущественно в открытых речных низменностях, между тем как северный олень попадался и в горных областях. Таким образом возможно, что обе фазы человеческой культуры, указанные нами для дилuvia, могли существовать одновременно, но в различных и удаленных друг от друга областях.

На берегах Дордони (Перигор во Франции) в скалистых уступах, ограничивающих долину, залегают многочисленные гроты; почва их составлена большей частью из известкового туфа, скрепившего в одну общую массу остатки первобытных населявших их троглодитов. В нем попадаются угли и обожженные камни очага, бесчисленные кремневые ножи, шилья, пилы, наконечники копий, топоры и осколки кремня и роговика, иголки, наконечники стрел, гарпуны, кинжалы и прочие предметы из кости, далее, резные поделки из рога северного оленя и куча костей убитых животных. Между последними найдены кости пещерного медведя, гигантского оленя, антилопы-сай-

ги, каменного барана и мускусного быка. Но чаще всех других костей попадаются кости северного оленя, лошади и зубра. Эти животные остатки доказывают с достоверностью — а за пределами пещер также ход их наслоения — принадлежность их к ледниковому периоду. Среди предметов столь древней эпохи всегда отсутствуют однако изделия из обожженной глины (сосуды, веретена и т.д.) и всякие следы скотоводства, земледелия и полирования камней (кости домашних животных, жернова, камни для полирования и полированные орудия).

Больше всего следов дилювиального человека найдено в Европе, где их всего основательнее изучали. Подобные находки известны из Франции, Англии, Испании, Португалии, Бельгии, Германии, Австрии, Италии и России, но они не найдены в частях Европы, где человек поселился лишь после последнего отступления ледников, стало быть в Скандинавии, в Северно-Германской низменности и в области Альпийских гор. Далее нам известны следы человека из четвертичных отложений Северной Африки (Алжир и Египет), из Индии (Декан) и из западных частей Северной Америки. Все они представляют те же общие признаки зачатков первобытной культуры, причем предметом обделки служили местные твердые каменные породы. Где обычный материал попадаетеся небольшими кусками, там самые орудия и оружие становятся мельче, сохраняя тем не менее почти повсюду сходные формы, перешедшие отчасти в неолитический период.

Невольно задаешься вопросом, не найдены ли среди древнейших предметов, свидетельствовавших о существовании человека, прежде всего и главным образом его собственные кости, т. е. скелеты или части скелетов, например, черепа. Если бы они и не принадлежали более древним

эпохам, чем изделия дилювиального человека, они, по крайней мере, разъяснили бы нам многое о физическом строении самого дилювиального человека. Стоял ли он ближе к животному, чем нынешний человек? не был ли он подобен самым низшим из существующих человеческих рас, и вообще представлял ли он один какой-нибудь тип и, если так, то какой именно? Однако известные нам остатки черепа и другие кости, действительно принадлежавшие дилювиальному человеку, настолько еще немногочисленны в настоящее время, что мы не в состоянии удовлетворительно ответить на эти вопросы. То немногое, что нам известно, найдено почти без исключения в Европе, и с помощью его мы в лучшем случае в состоянии лишь восстановить одну или несколько первобытных европейских рас. К числу таких находок относится верхняя часть черепа из одной пещеры в Неандертале, близ Дюссельдорфа, подвергавшаяся вследствие своих особенностей исследованию различных ученых. Далее, части черепов и целые черепа из пещеры в четвертичных отложениях Франции, Бельгии, Италии, Богемии, а также несколько скелетов из одной пещеры Фурфоос в Бельгии и из Кро-Маньона в Перигоре во Франции. Не вдаваясь в частности строения этих костей, заметим лишь, что вряд ли можно причислить дилювиальных обитателей Европы к одной единой расе, ибо среди них мы находим как «короткоголовые» черепа (брахицефальные), так и «длинноголовые» (долихоцефальные): в общем же останки этих людей свидетельствуют, что они обладали хорошо развитыми формами тела, так что если бы они жили в наши времена, то отнюдь не выделялись бы из среды остального населения. Они не представляли также признаков «обезьяньих»; объем черепа у них был не меньше на-

шего, и черты лица не обнаруживали приближения к низшему типу зверя; они были вполне люди, которые, вследствие медленности изменений, придавших в конце концов дилювиальной Европе ее нынешний вид, без сомнения, хотя отчасти, остались жить на своей родине; многие из них понемногу уходили из нее и, следуя за северным оленем, направились на Север, области которого лишь теперь стали годными для обитания человека, представляя те же естественные условия, которые он находил прежде на свободных от снега и льда равнинах Западной и Средней Европы.